

подмечено, в частности, в выступлении А. А. Леонтьева. При этом, явно отдавая предпочтение узкому значению данного термина и к тому же несколько своеобразно трактуя значение этнопсихологии, он видит ее основную линию развития в лоне общей психологии. Впрочем, если придерживаться той интерпретации этнопсихологии, которая была нами предложена выше, то (при условии узкого понимания социальной психологии) этническую психологию скорее следует поместить на стыке двух психологических дисциплин: социальной и общей психологии. Это с одной стороны. А с другой — она окажется в предметной зоне тех социокультурных дисциплин, которые исследуют этническую проблематику, т. е. прежде всего этнографии и этносоциологии. При широкой же трактовке социальной психологии этнопсихология целиком окажется ее субдисциплиной и одновременно субдисциплиной только что упомянутого круга наук, основной задачей которых является изучение этнических явлений в целом.

И. С. Кон

НУЖНА ПОМОЩЬ ПСИХОЛогоВ

Статья А. Ф. Дашдамирова, на мой взгляд, совершенно правильно подчеркивает большое научно-теоретическое и политико-идеологическое значение национальных особенностей психики и указывает ряд возможных направлений их исследования. 10 лет назад Ю. В. Бромлей писал, что этнопсихологические исследования у нас продолжают оставаться в эмбриональном состоянии. С тех пор в этой области наметились определенные сдвиги; особенно важно то, что наряду с теоретическими изысканиями и обзорными работами появляются и эмпирические исследования. Однако здесь есть большие методические трудности, на которые *и* хотел бы обратить внимание.

Прежде всего, в рассуждениях о национальных особенностях психики часто нарушается логика исследования. Вместо того чтобы начинать с постановки четких содержательных *вопросов* и формулирования *гипотез—существуют* ли психологические различия между народами, в чем именно, каковы их индикаторы, возможные методы измерения и т. п., мы продолжаем старые споры об определении таких понятий, как национальный характер, психический склад, этническое самосознание и т. д. Разумеется, определение терминов весьма важно, но научные понятия имеют смысл только в рамках некоторой теории, ориентированной на определенную постановку вопросов. Многолетний опыт нашей науки показывает, что дискуссии, начинавшиеся с содержательных вопросов, всегда были более плодотворными, нежели те, которые вращались вокруг определений.

Далее следует сказать о проблемах соотношения *описания* и *объяснения*. Вместо того чтобы начинать с констатации фактов, проверки наличия тех или иных этнических различий, мы сплошь и рядом начинаем с теоретических споров о том, являются ли эти (предполагаемые, иногда даже мнимые!) различия и свойства природными или социально-историческими, постоянными или изменчивыми, полезными или вредными и т. д. Причем этим предположительным явлениям дается в основном генетическое объяснение, апеллирующее к их происхождению и истокам. Но, как известно, это вовсе не единственная и уж, во всяком случае, не самая простая форма научного объяснения.

Над учеными-непсихологами, занимающимися проблемами национального характера и т. п., часто довлеет житейское представление, что народы, как и индивиды, обладают набором устойчивых качеств, «черт», которые можно измерять и сравнивать более или менее самостоятельно. Тайная «голубая» мечта—составить на каждый народ нечто вроде пси-

хологического паспорта-характеристики, который давал бы его индивидуальный портрет. Увы, это неосуществимо даже для отдельного индивида. Единственный индивидуальный элемент наших гражданских паспортов — фотокарточка. Что же касается всех характеристик, которые мы пишем или получаем, то они строго функциональны и отражают лишь степень нашей пригодности или непригодности к определенному виду деятельности.

В современной психологии проблема выглядит гораздо сложнее. Прежде всего, устойчивые личностные черты-диспозиции не всегда четко отличимы от временных, текучих психических состояний. Кроме того, даже достоверное знание личностных черт не позволяет предсказать социальное поведение личности без учета специфики тех ситуаций, в которых это поведение развертывается (и наоборот). Сильно усложнилась и проблема постоянства, устойчивости личности. Идет ли речь о тождестве, преемственности, логической последовательности (все это — разные понятия) поведения человека, или его эмоциональных реакций, или стиля его мышления, или его установок, интересов, ценностных ориентации? Проявляется ли это постоянство в разных (каких именно?) ситуациях или на протяжении определенных (каких именно?) отрезков времени? Как варьирует эта предсказуемость в зависимости от индивидуальных свойств? и т. д. и т. п. Без уточнения этих вопросов невозможно корректно поставить проблему. В психологии народов (нарочно беру самый общий, неопределенный термин) дело обстоит точно так же. Это убедительно проиллюстрировал С. А. Арутюнов, сравнив межличностные отношения японцев с их поведением в безличных, массовых ситуациях.

Главная трудность так называемых этнопсихологических исследований состоит в том, что они могут быть либо социокультурологическими, либо психологическими. Первые изучают свойства общества, культуры, вторые — свойства индивидов, являющихся членами этого общества или группы. Хотя то и другое взаимосвязано, методология и техника этих исследований весьма различны.

Традиционной, классической этнографии методы историко-культурного исследования значительно ближе, чем экспериментально-психологические. Я хотел бы подчеркнуть, что, хотя такие исследования выглядят недостаточно строгими, «импрессионистическими», они дают ценнейшую информацию этнопсихологического свойства. Например, систематическое изучение образов своего и чужого народов, представленных в литературе и искусстве, может дать для понимания соответствующих этнических стереотипов и межнациональных отношений не меньше, а, возможно, даже больше, чем анкетный опрос. Сравнительное изучение мира детства и социализации детей у разных народов неизбежно подводит к проблемам этноспецифических ценностных ориентации, структуры личности, межпоколенной трансмиссии культуры и т. д. Массовые анкетно-социологические исследования также имеют смысл только в определенном историко-культурном контексте. Эта линия исследований у нас более или менее сложилась, речь идет главным образом о повышении их методического уровня, использовании новых семиотических методов, контент-анализа и т. д.

Значительно хуже обстоит дело с психологическими исследованиями, где этнографы полностью зависят от психологии как в том, что касается методов, так и в объяснительных теориях. Существуют две области таких исследований. Так называемая кросс-культурная психология занимается сравнительным изучением того, как протекают одни и те же психические процессы у представителей разных обществ, культур и групп. Объем уже имеющихся данных этого рода огромен, и для этнографов они исключительно важны. К сожалению, хотя отечественная психология в лице Л. С. Выготского и А. Р. Лурии имеет безусловный приоритет в формулировании ряда важнейших принципов таких исследований, сегодня они занимают у нас весьма скромное место, и, поскольку речь идет о весьма специальных исследованиях, единственный;

выход — привлекать к участию в этнографических экспедициях психологов, как это было в кавказской геронтологической группе. Ибо эта работа — плоть от плоти соответствующих разделов когнитивной психологии, психологии эмоций, психофизиологии, психологии развития.

Второе направление, собственно этнопсихологическое, изучает психические процессы, непосредственно связанные с формированием, осознанием и поддержанием индивидами их этнической идентичности. При этом в центре внимания оказываются этнические установки, стереотипы, самосознание и т. д. Это и есть этнопсихология в узком смысле слова. К сожалению, наши психологи в этой области пока что дальше общетеоретических рассуждений не идут. Это заставляет этнографов и социологов действовать самостоятельно. Но «перепрыгнуть» через соответствующие специальные теории и методы социальной психологии невозможно. А они далеко не элементарны. Например, этнические предубеждения можно изучать и как свойство личности, и в контексте теории установки, и в рамках психологии социальной перцепции, и в свете теории атрибуции. А в зависимости от выбранного угла зрения меняются и методический аппарат, и предмет, и логика исследования.

Методологически неискушенному человеку кажется, что для изучения генезиса этнического самосознания достаточно простого вопросника и элементарных сведений из общей и возрастной психологии. На самом же деле для проведения таких исследований нужно хорошо знать психологические теории самосознания и методы его изучения. Чем отличается самосознание от познания других людей? Какие признаки и почему включаются или не включаются в образ «я»? Каковы плюсы и минусы метода свободного самоописания по сравнению с Q-сортировкой или «Тестом из 20 предложений» М. Куна? Как сказываются на результатах опроса условия его проведения и образ жизни респондентов? Например, при свободном самоописании индивид, согласно психологическому принципу отличительности, осознает и включает в свой образ «я» не все признаки, а преимущественно те, которые отличают его от других. Соответственно (это подтверждено эмпирически) и этническое самосознание развивается у ребенка по мере того, как он оказывается в этнически смешанных ситуациях, делающих его этническую принадлежность отличительным признаком. Далее. Социальные психологи различают «утвердительный образ я», когда внимание индивида сосредоточено на самом себе, что заставляет его яснее видеть свои особенности, и «отрицательный образ я», когда внимание сосредоточено на свойствах других людей, которым и сам испытуемый не обладает, и он определяет себя через такое отрицание. По данным Уильяма и Клер Мак-Гайр, представители этнического большинства чаще определяют свою этническую принадлежность в «отрицательных», а представители этнических меньшинств — в «утвердительных» образах и т. п.

Если известно, что сравнительно¹-возрастные исследования не воспроизводят реального процесса развития индивида — для этого нужно так называемое «продольное» исследование, то это полностью относится и к изучению этнического самосознания.

Разумеется, этнограф не обязан выполнять работу психолога. Массовые этносоциальные данные неизбежно грубее экспериментальных, но без такого общего фона невозможно идти вглубь. Но все-таки этнопсихология — частный, прикладной аспект социальной психологии и должна подчиняться методологическим правилам и процедурам материнской науки.

Я вовсе не хочу этим сказать, что право на существование имеют только аналитические исследования. Ни в коем случае! Нам очень нужны и социально-философские работы, и синкретические очерки, блестящим образцом которых может служить «О русском» Д. С. Лихачева или «Ветка сакуры» В. Овчинникова. Но для становления профессиональной этнопсихологии особенно нужна забота о качестве описательного материала и методологии его обработки. А здесь может помочь только междисциплинарная кооперация. Сотрудничество этнографов с социоло-

логами, начавшееся лет 20 тому назад, блестяще себя оправдало. Сегодня очередь за психологией.

Разумеется, ждать, пока психологическая наука разрешит собственные сложные проблемы, часть из которых перечислил А. А. Леонтьев,, вряд ли целесообразно. Социально-политические проблемы, поставленные в статье А. Ф. Дашдамирова, не терпят отлагательства. Кстати, я не стал бы так далеко разводить и даже противопоставлять термины «национальная психология» и «этнопсихология», как это делает А. А. Леонтьев. С предметной точки зрения, речь идет об одном и том же — национальных (этнических) особенностях. Но подходы к этому действительно отличны и «смычка» их возможна только на базе совместного изучения конкретных содержательных проблем, одинаково интересных и значимых для обоих народов.

Г. В. Старовойтова

О ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ ЭТНОПСИХОЛОГИИ

А. Ф. Дашдамиров привлек наше внимание к чрезвычайно важной и давно назревшей проблеме развития этнопсихологических исследований. Хотелось бы подчеркнуть, что значение этнопсихологических признаков, в частности этнического самосознания, увеличивается по мере сужения зоны господства этнической традиции в объективированных: формах культуры. Следовательно, особенно важным оказывается изучение этнопсихологических явлений у современных урбанизированных народов, для которых соответствующие признаки становятся системообразующими этническими признаками.

Общественная мысль прошлого имеет богатые традиции анализа психологических особенностей народов, однако начало научной этнопсихологии, по-видимому, следует вести от работ В. Вундта¹ (а в нашей стране от Л. С. Выготского и А. П. Лурия²). Новый этап осмысления этнических компонентов психики нашел отражение в дискуссии о сущности нации конца 60-х годов. Хотелось бы зафиксировать два ее итога: а) признание большинством исследователей онтологической реальности этнопсихологии³; б) выявление различий во взглядах на ее содержание и семантику таких ключевых понятий, как «психический склад нации», «национальный характер», «национальный темперамент» и др.

Эти различия, вероятно, связаны с нечеткостью определения самой предметной области этнопсихологических исследований, а также с разногласиями по вопросу о дисциплинарной принадлежности этнопсихологии как науки.

Большинство известных обществоведов и социальных психологов* (И. С. Кон, Б. Д. Парыгин, Б. Ф. Поршнев и др.) считают этнопсихологию одним из разделов социальной психологии, тогда как представители этнографической науки относят ее к «дочерним» этнографическим дисциплинам \ что не способствует использованию методического арсенала психологической науки и ее развитого понятийного аппарата.

¹ Wundt W. *Völkerpsychologie*. В. 1—10. Leipzig, 1900—20.

² Итоги этнопсихологического исследования узбеков и др., осуществленного в начале 30-х годов этими учеными, изложены в монографии: Лурия Л. П. *Об историческом развитии познавательных процессов*. М.: Наука, 1974.

³ Здесь хотелось бы обратить еще раз внимание на досадную омонимию самого термина психология: это понятие употребляется для обозначения научной дисциплины,, а также и самого предмета ее изучения (такова же неоднозначность понятия «история»); в данном случае мы имеем в виду второе значение.

⁴ См., например, Королев С. В. *Вопросы этнопсихологии в работах зарубежных авторов*. М.: Наука, 1972; Арутюнов С. Л., Королев С. В. *Этнопсихология как наука.— Современная зарубежная этнопсихология. Реферативный сборник*. М.: Наука, 1979, с. 5—22.